

перевод фрагмента арабской рукописи, и обозначает его жанр, указывая на сходство эссе с «восточной сказкой» ('has very much the turn of an oriental tale') [Addison: 168]. Ориентальная природа жанра проявилась в соответствующей сюжетной направленности и в стилистическом своеобразии (онимическая, книжная лексика, слова с восточной этимологией; метафоричность; детализация событий за счет обилия определений в сложных предложениях) [Addison: 168-171].

Таким образом, английские сатирико-нравоучительные очерки-эссе раннего Просвещения либо косвенно затрагивали восточную тематику, либо представляли собой фрагменты авторских рассуждений, либо это были «самостоятельные» ориентальные произведения, жанр которых получил широкое распространение в английской литературе только во второй половине XVIII в.

Литература

Елистратова А.А. Нравоописательная журналистика. Английская литература XVIII века // История всемирной литературы: В 8 т. М., 1988. Т.5. С.36-38.

Addison J. The Works of Joseph Addison in three volumes. N.Y., 1864. Vol.III.

Berkeley G. The Attractions of Friendship and Benevolence // The British Essayists: Guardian; with prefaces biographical, historical and critical. №89-176. L., 1827. Vol. XI. P. 118-121.

Galland A. Les Mille et une Nuit: Conte Arabes . Revus et corrigés sur l'édition princeps de 1704. Paris, 1866.

Pope A. On Cruelty to the Brute Creation – Fable of Pilpay // The British Essayists: Guardian; with prefaces biographical, historical and critic. L., 1794. Vol. X. P. 239-245.

Основные мировоззренческие установки лирики Абрахама Коули.

Мананкова Анна Александровна

Аспирантка Белорусского государственного университета, Минск, Белоруссия

Лирика Абрахама Коули может служить своеобразным компендиумом основополагающих идейных установок эпохи барокко. Не вводя никаких радикальных инноваций ни в формальном, ни в содержательном плане, Коули, тем не менее, со всей полнотой выразил в собственном творчестве мироощущение своего времени. Однако каждый мотив, прозвучавший в его поэзии, несмотря на хрестоматийность, несомненно, несет в себе и некоторые индивидуальные черты, интерпретируется специфическим образом, в чем и проявляется своеобразие художника. Кроме того, даже в этом чрезвычайно широком спектре типично барочных мотивов существует особая градация их значимости: одни настойчиво акцентируются, другие лишь вскользь упоминаются.

Барокко – эпоха бесконечного цитирования, на первый взгляд кажущегося эклектичным, эпоха, в которой проявляются черты «вневременного» постмодерного сознания, так или иначе дающего о себе знать каждый раз при смене мировоззренческих парадигм. Поэтому в любом барочном произведении прослеживается присутствие культурных пластов предшествующих эпох. Для Абрахама Коули наиболее важными эпохами оказываются античность и средневековье. Античные элементы обнаруживаются у него прежде всего в системе образов, что проявляется в использовании мифологической тематики, а также в обращении к древнегреческой философской традиции. Средневековые элементы касаются в первую очередь мироощущения лирического героя и являются скорее глобальным отображением преобладания барокко по отношению к средневековью, нежели специфической, присущей только данному автору чертой. Так или иначе, наличие указанных культурных влияний в значительной степени определило мотивную структуру лирики Коули, которая и отображает мировоззрение автора. Среди основных мировоззренческих установок в творчестве поэта можно выделить следующие:

а) «Carpe diem». Один из ключевых мотивов, благодаря которому обретают особое звучание и остальные мотивы. Из всех древнегреческих философов для Абрахама Коули наиболее близким оказывается Эпикур, тогда как его современники уделяли значительное внимание Платону или же проводили эксперименты с аристотелевской логикой. Коули не чуждается своеобразной игры с силлогизмами, однако и не увлекается ею. Для него первостепенное значение имеют не столько логические, сколько онтологические категории. Именно поэтому в его поэзии глубоко осмысливается тема времени;

б) быстротечность времени. Данный мотив неразрывно связан с предыдущим и является типичным «общим местом» эпохи барокко. Однако специфика его интерпретации в лирике Коули состоит в том, что поэт особым образом понимает саму природу времени. Время предстает в его произведениях не как объективная категория, но скорее как некое субъективное свойство тела. Оно измеряется не часами и минутами, а произошедшими внутри воспринимающего субъекта переменами;

в) непостоянство. Одно из стихотворений Коули так и называется – «Inconstancy». Несомненно, это тоже один из базовых концептов барочного мировоззрения (стоит вспомнить хотя бы «Женское постоянство» (Woman's Constancy) Джона Донна или «Стансы Непостоянству» Этьена Дюрана). Но Коули возводит непостоянство в онтологический принцип – речь идет не столько об изменении внешней реальности, сколько о тотальном перерождении лирического героя, причем перерождение это происходит как в духовном, так и в физическом измерении;

г) субъективность восприятия. Из рассмотрения указанных выше черт следует, что лирический герой Коули не стремится к познанию вещей и явлений как они есть. Его в значительно большей степени интересует отражение окружающего мира в его собственном восприятии, и поэтому можно говорить о присущих мировоззрению поэта чертах солипсизма;

д) ощущение иллюзорности мира. С одной стороны, это тоже очередное «общее место» барокко (ярчайший иллюстрация – «Жизнь есть сон» Кальдерона). С другой стороны, Коули приходит к этому ощущению собственными путями и данная черта является естественным продолжением всей предшествующей логической цепочки;

е) бесконечное разнообразие мира, понимаемого как множественность в единстве. При этом все элементы множества взаимозаменяемы, ни один не имеет изначального преимущества перед другим;

ж) тотальный релятивизм. Поскольку постоянства не существует и существует всеобщая взаимозаменяемость, то любая вещь может в конечном итоге обернуться своей противоположностью;

з) тщета всего сущего как закономерная установка, присущая как мировоззренческой системе Абрахама Коули, так и любой подобной мировоззренческой системе.

Функции символа в романе Ж.-К. Гюисманса «Наоборот»

Мялкина Марина Александровна

Аспирантка Воронежского государственного университета, Воронеж

Специфика подхода к символу Жориса-Карла Гюисманса (1848-1907) может быть раскрыта в контексте творчества Ш. Бодлера. Роман «Наоборот» (1884) принято считать «переходным» в творчестве Ж.-К. Гюисманса (от натурализма к декадансу), он явился своего рода антологией искусства символизма.

Первая же глава романа, посвящённая описанию кабинета героя, заканчивается упоминанием о трёх стихотворениях Бодлера, выведенных настоящей церковной вязью. Хотя название сборника «Цветы зла», в который вошли сонеты «Смерть любовников» и «Враг», не звучит в романе, именно оно составляет основной мотив книги.